

УДК 32

Воспитание в духе толерантности: социальная практика и политический контекст

Медушевский Николай Андреевич

Кандидат политических наук, доцент,
кафедра культуры мира и демократии,
Российский государственный гуманитарный университет,
125993, Российская Федерация, Москва, Миусская площадь, 6;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Аннотация

Толерантность – это качество, формируемое в человеке в контексте его социального участия. В современном мире уровень толерантности в различных обществах отличается, что обусловлено влиянием социальной и политической среды, а также культурными и историческими предпосылками. В данной связи актуальным становится изучение механизмов воспитания толерантности в отдельных обществах, так как данная информация позволяет более эффективно выстраивать систему политического взаимодействия и межличностной коммуникации. Кроме того, актуальным является и изучение условий социального порядка, которые способствуют или препятствуют формированию культуры толерантности. Следует отметить, что одним из ключевых условий, способствующих развитию культуры толерантности, выступает стабильность, которая может иметь как правовое, так и внеправовое выражение. Именно со стабильностью и правовым порядком связан расцвет культуры толерантности, к примеру, в европейских государствах именно с нарушением стабильности и вариативными рисками социо-политического развития связано разрушение культуры толерантности, которое мы видим сегодня в Европейском союзе, США или Российской Федерации. Таким образом, толерантность может быть представлена как сложное явление, выступающее результатом длительного процесса социального генезиса. Сложность данного явления заключается в его нестабильности – уязвимости для различных вызовов, а также в его региональной идентичности, так как применительно к каждому развитому государству или региону можно говорить об определенной специфике в трактовке толерантности и формирующих ее базовых принципов. В числе таких принципов можно, к примеру, назвать соблюдение прав человека, что в большей степени свойственно для европейской традиции, доминанту идеи индивидуальной свободы, что соотносится с американской трактовкой толерантности, или формирующее значение политической и, как следствие, социальной стабильности,

что свойственно для российской традиции и часто переносится на многие государства постсоветского пространства. В данной связи сохранение и укрепление культуры толерантности оказывается сопряжено с сохранением базовых для нее принципов, объединяющих то или иное общество и делающих его гомогенным.

Для цитирования в научных исследованиях

Медушевский Н.А. Воспитание в духе толерантности: социальная практика и политический контекст // Теории и проблемы политических исследований. 2016. Том 5. № 6А. С. 81-95.

Ключевые слова

Толерантность, воспитание, ценности, идеология, культура, политический плюрализм.

Введение

Толерантность сегодня является одним из ключевых принципов социального диалога и способствует во множестве своих проявлений формированию в обществе культуры компромисса и правовой культуры.

При этом, говоря о толерантности, нельзя обойти вниманием значения данного термина, которое является вариативным и часто наделяется комплексом дополнительных смыслов [Вилков, 2008].

В качестве основного, базового значения, которое действительно раскрывает именно современное значение термина «толерантность», безусловно, должен быть заложен принцип уважения, т. е. толерантность должна быть представлена как *особенность восприятия индивидом одного человека, группы лиц или ситуации в целом с нейтральных (неагрессивных и невесторженных) позиций, выражающаяся в сознательном подавлении чувства неприятия, вызванного всем тем, что знаменует в объекте иное (внешность, манера речи, вкусы, идеи, принципы образ жизни, убеждения и т. п.), при условии, что данные особенности не несут в себе очевидной опасности для индивида.*

Поясняя представленное определение, необходимо отметить, что оно ставит во главу угла отдельного человека, отношение которого к окружающему миру фактически является мерилом данного мира, и подводит определенный итог многовековому развитию гуманистической традиции с ее многогранной трактовкой прав человека и его первостепенной роли в создании общества.

Следующим важным моментом является возможность толерантного отношения не только к другой личности, но также и к группе лиц или ситуации в целом, что, с одной стороны, расширяет сферу применимости понятия толерантность, но, с другой стороны, вводит опре-

деленный элемент избирательности, позволяющий более точно описывать качественную составляющую человеческого восприятия.

Еще одним принципиальным моментом является сознательность толерантного поведения, так как невозможно относиться с уважением к вещам, недоступным пониманию, – данные явления неминуемо начнут вызывать смешанные чувства, связанные либо с превосходством, либо с подобострастием и страхом, в результате чего хрупкий баланс уважительного взаимодействия будет нарушен.

Как следствие, толерантность получает сложную и многогранную интерпретацию, которая для ее эффективного применения в обществе должна быть воспринята данным обществом на общесоциальном и на индивидуальном уровнях.

Модель воспитания в духе толерантности

Основной проблемой становится отсутствие в социуме сформированной модели *воспитания в духе толерантности*. Причем «воспитание» представляется сложным механизмом, включающим практику социального поведения и идеологические конструкции, а также сопутствующие им образовательные технологии.

Значение идеологических конструкций особо приоритетно, так как через идеологию толерантности формируется специфический фон социальных отношений, включающий определенную риторику, положительные и отрицательные штампы социального поведения, механизмы подражания и другие атрибуты [Гулиев, 2005]. При этом идеология толерантности должна четко соотноситься с уровнем развития общества и степенью социальной лояльности граждан. В расколотом обществе с низким уровнем социальной культуры толерантность, синонимичная уважению, существует лишь в качестве исключения.

В значительной степени толерантность как социальная ценность становится востребована в полной мере лишь тогда, когда общество вступает в период стабильного планомерного развития, где отдельная личность не должна постоянно принимать кризисные решения и на протяжении длительного времени сохраняет типичные для нее социальные роли – члена семьи, служащего, избирателя, клиента, потребителя, и качество жизни отдельного человека при этом повышается, увеличивая его позитивную мотивацию.

Стабильность социального порядка делает окружающий индивида мир более понятным и познаваемым, а также позволяет четко расставить для себя приоритеты относительно того, что и при каких обстоятельствах достойно уважительного, толерантного отношения, а что требует изменения и в лучшем случае может характеризоваться лишь терпимым отношением. То есть человек, просто existing в рамках социальной системы, постепенно включается в процесс воспитания толерантности, выступая ситуативно в роли ученика и в роли учителя.

Принципиальным здесь является дух собственности: если индивид ощущает свою ответственность за реализацию связанных с ним социальных практик, то степень его рационального поведения и потенциала толерантности многократно возрастает.

В данной связи, фактором, определяющим уровень социальной толерантности, становится степень гомогенности социума, представленная материальными, моральными и нравственными параметрами. Можно констатировать, что качество социального диалога будет выше в той социальной среде, которая объединена общим восприятием «правильного» и «неправильного», «допустимого» и «недопустимого», но в которой при этом сохраняется свобода выбора, плюрализм и базовые либеральные ценности.

Немалую роль здесь играет государственная идеология и пропаганда ценностей толерантности, которая способствует формированию «правильного» информационного пространства и «правильного» индивидуального мышления.

Подобный подход является прогрессивным, так как нацелен на качественное улучшение культуры взаимодействия членов социума вопреки разделяющим их факторам, например гендерная, возрастная, этническая или религиозная специфика. Но при этом подход является и достаточно уязвимым, так как вовсе не каждая группа в современном российском обществе или обществе любой из развитых стран готова к компромиссу и может признать ценность толерантного поведения.

Формирующаяся здесь проблема имеет двухсторонний характер. С одной стороны, необходимо работать с общественными группами, воспитывая в них принципы толерантного поведения. *С другой стороны, не следует абсолютизировать ценность культуры толерантности*, так как в этом случае неизбежно будут поставлены под угрозу идентичность отдельной группы, традиционные ценности, религиозные нормы, индивидуальные права и свободы. То есть воспитание в духе толерантности само по себе также должно носить толерантный характер и апеллировать к универсальным ценностям и соображениям общей пользы, тем самым предотвращая возможные конфликты.

Мировая практика воспитания в духе толерантности

Современная мировая и российская практики далеко не всегда соответствует данному требованию. Их анализ демонстрирует сразу несколько путей, в числе которых: абсолютизация ценности толерантного взаимодействия в принципе, абсолютизация отдельных аспектов толерантного взаимодействия, и наоборот, полная дискредитация толерантного взаимодействия в отдельных сферах.

В основе данного категоричного разделения лежит не столько социальная практика, сколько политическая воля, нацеленная на управление новыми тенденциями социальной жизни и процессами фрагментации социума. При этом сама политическая воля реализуется от страны к стране в русле либеральной, консервативной, националистической, со-

циальной и других форм риторики. в результате чего изменяется и морально-нравственная составляющая.

Одним из наиболее знаковых примеров спорных поводов выступает широта политического плюрализма. Данный повод в определенном смысле связывает остальные и переводит обсуждение и прения по морально-нравственным вопросам в политическую сферу. Как следствие, в политически развитых обществах, признающих либеральные ценности и демократические принципы, возникает феномен лоббизма толерантных поводов и целых концепций толерантности. Через политическую и социальную активность, различные участники политических отношений (формальных и неформальных) пытаются представить тот образ социального взаимодействия и социальной организации, который кажется им более правильным, более справедливым. При этом каждый участник данной формы лоббизма характеризуется определенным политическим весом, уровнем осознания своей позиции и ангажированностью.

Обращаясь к конкретным примерам проблем, возникающим в национальных практиках в процессе воспитания в духе толерантности, следует кратко остановиться на следующих проблемах.

Европейский опыт воспитания в духе толерантности

Наиболее выраженным и комплексным примером абсолютизации ценности толерантного поведения, несомненно, является европейский опыт последних десяти лет. Очевидно, что толерантность для современной Европы является ключевой скрепой, соединяющей разные в своей культуре, обычаях и национальных практиках государства [Наумов, Ломов, 2011]. Более того, толерантность как социальное явление была создана именно европейской культурой, но сегодня для данного фактора интеграции Европы настал кризисный период. Сложилась тенденция, ставящая своей целью изменить структуру и принципы толерантного поведения в обществе, сменив классические директивы¹ в области труда, расы, пола, единым документом-директивой, который бы регулировал принципы равного отношения ко всем дискриминируемым группам, включая инвалидов, сексуальные и религиозные меньшинства по общим принципам.

Данный институциональный тренд оказался обусловлен, в первую очередь, доминированием в европейских политических кругах либерального подхода с ярко выраженной социальной направленностью, *ориентированного на максимизацию прав всевозможных меньшинств и интеграцию европейского общества через дезинтеграцию национального самосознания на множество групповых форм самовосприятия*, что в целом сопоставимо с концепцией мультикультурализма [Шишкина, 2013], так или иначе включенной в политическую практику всех государств Европейского союза (ЕС).

¹ Документы представлены на сайте <http://eur-lex.europa.eu/>

В противовес данному подходу на западе сформировалась и альтернативная точка зрения, основанная на защите консервативных ценностей и права на свободное критическое выражение собственных мыслей, идущих вразрез с идеей абсолютизированной толерантности к меньшинствам [TheEqual..., www].

Прообраз новой директивы был создан в виде текста, обозначенного как «Предложение о Директиве Совета по реализации принципа равного обращения между людьми, независимо от религии или убеждений, инвалидности, возраста или сексуальной ориентации» [Там же].

От других директив этот документ отличался принципиально новым комплексным подходом, сводящим воедино проблемы всех заявленных в названии областей дискриминации, а также требованием государственного контроля за социально-экономическим поведением граждан в контексте их взаимодействия с представителями дискриминируемых групп.

По сути, директива выводила обеспечение социальной защиты граждан в качестве первостепенного приоритета, превалирующего даже над их правом самоопределения и над их свободой слова.

Несмотря на то, что данный документ не был принят в 2008 году, а его аналог [AEuroreanframework ..., www] провалился на голосовании в 2012 году, тренд на абсолютизацию толерантности сохраняется и поддерживается на высоком уровне в ряде национальных правительств, в том числе Великобритании и Франции.

При данном ракурсе рассмотрения формат воспитания в духе толерантности максимально охватывает те сферы, которые ранее регулировались этикой, моралью, формами локальной культуры, вытесняя последние. Более того, в фокусе рассмотрения оказываются уже не проблемы объективной дискриминации, представленные в Декларации принципов толерантности ЮНЕСКО, а проблемы косвенной дискриминации, само существование которой объективно считается неоднозначным и практически всегда устанавливается в ходе судебных разбирательств. Характерно, что данные процессы, протекающие в европейском сообществе сложно соотносимы с практикой многих стран, граничащих с ЕС, такими как, например, Марокко, Алжир, Тунис, Ливия, Албания и даже Турция, в которых культура толерантности практически отсутствует в силу господства религиозных традиций.

Опыт воспитания в духе толерантности в США

Еще один достаточно специфический подход к воспитанию в духе толерантности представлен практикой США [Медушевский, 2014, 63]. Специфика американского подхода определена высоким интеграционным значением толерантности, которое появилось в США на несколько столетий ранее, чем в любой другой стране, в связи с механизмом формирования национального общества переселенцами из других стран. При этом для США был выработан комплекс направлений толерантного взаимодействия, ориентированных на противодействие дискриминации в обществе. В числе таких направлений указывалась ди-

скриминация по этническому, гендерному, религиозному и имущественному признакам. Каждое из направлений имело свою историческую аффилиацию и относилось к конкретным историческим процессам, При этом, по мере интеграции и преодоления исторической дискриминации, американское общество все больше теряло потенциал адаптивности к новым дискриминационным вызовам, в числе которых необходимость интегрировать большое количество выходцев из Латинской Америки, необходимость справиться с исламизацией наименее обеспеченных слоев общества, решить на государственном уровне проблему однополых браков или создать эффективную программу общесоциального примирения, отсутствие которого демонстрирует высокий уровень тяжких и особо тяжких преступлений, совершаемых детьми [Медушевский, 2014,63].

Эти проблемы сегодня формируют новый вызов американской толерантности и идут вразрез с существующей в стране концепцией воспитания в духе толерантности. К примеру, в рамках школьного образования есть этап обучения, именуемый «месяц черной истории», при этом альтернативных программ с ориентацией на латиноамериканцев или представителей азиатских меньшинств в стране не существует. То же самое касается и религиозной сферы, в которой все большая доля отводится маргинальным религиозным организациям [Суслова, 2012], представляющим специфические моральные концепции. При этом риторика часто идет в разрез с практикой. Так, например, расизм осуждается во всем американском обществе, но организации Ку-клукс клана могут проводить ежегодные шествия, апеллируя к нормам о свободе слова и собраний [Courtorderscity..., 1999, www].

Как следствие, воспитание в духе толерантности получает слишком высокую фрагментацию и перестает способствовать интеграции общества, что, в свою очередь, провоцирует множество новых социальных проблем и повышает общий уровень конфликтности.

Российская практика воспитания в духе толерантности

Проблема воспитания в духе толерантности не менее актуальна для России, чем для США или Европы.

На протяжении длительного времени наша страна не рассматривалась с точки зрения существования в ней сильной традиции толерантности и соответствующей культуры в силу господства идеологизированного тоталитарного режима. При этом данный подход не вполне верен, так как политический режим повлиял на форму, а не на факт самого наличия толерантности в российской культуре. Истоки российской традиции восходят к XIX веку и связаны с развитием либеральной мысли, конституционализма и парламентаризма. Советский период также характеризуется определенным видением толерантного поведения, представленного в формате трудовой солидарности.

Конечно, оба представленных подхода далеки от принципов толерантности, которые сегодня формируют некую основу данной идейной концепции, но их в определенной степени

можно рассматривать в качестве базы для развития толерантности и воспитания принципов толерантности в современной России, и именно из их фрагментов в конце 1990-х годов начала формироваться национальная модель воспитания в духе толерантности, соотносимая с другим важным процессом – поиском национальной идеи, также основанном на достижениях прошлого [Труханов, 2009].

Сочетание культуры толерантности и национальной идеи происходит в рамках условного «идеологического облика», который можно представить как многоуровневую модель, объединяющую все актуальные для общественности политические штампы, изображающие социальнозначимые детали исторической мозаики. В качестве штампов, к примеру, можно рассматривать такие вопросы, как защита свободы слова, развитие духовности, противодействие фашизму и терроризму, защита чувств верующих, оборона страны, решение проблемы доступа инвалидов к инфраструктуре, защита русского населения в ближнем зарубежье и многие другие.

Толерантность также стала одним из штампов, заимствованных из либеральной риторики. Практически каждый значимый (популярный в обществе) штамп в рамках «идеологического облика» получил свое идейное обоснование и, что важно, программу развития, необходимую для обеспечения преемственности идеологии, и ее ежедневной адаптации к меняющимся интересам общественности.

Толерантность, в данной связи, оказалась представлена двумя государственными проектами, существовавшими последовательно, но с продолжительным перерывом. Ими стали федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе» на 2001-2005 годы и федеральная целевая программа «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России» на 2014-2025 годы.

Две приведенные программы не содержат в себе всего объема дискуссий и мероприятий в области толерантности за этот период, но представляют собой символические образы, на которые государство и общество ориентировались, продвигая те или иные взгляды, реализуя проекты по воспитанию в духе толерантности.

Обе программы имели официальную цель трансформировать систему ценностей российского общества и гармонизировать различные виды межличностного и межгруппового взаимодействия. Так как программы принимались в разные временные периоды, в каждой из них просматриваются специфические акценты, указывающие на нюансы формируемой государственной идеологии.

Первым и, на наш взгляд, самым важным различием, является разница названий федеральных целевых программ (ФЦП). Первое название представляется более мягким и компромиссным. На это, в частности, указывает использование термина «толерантность», которое, как следует из содержания программы, трактуется в общеевропейском ключе как уважение равнодостоящей личности [Сагалакова, 2008].

Также о компромиссе говорит и словосочетание «профилактика экстремизма», означающий, по сути, изменение установок личного поведения через духовное развитие личности [Радиков, 2011]. Это выражение заимствовано из риторики ЮНЕСКО и других международных организаций, занимающихся повышением качества жизни через образование и просвещение.

Название второго документа представляется более жестким, ориентированным не на мировую, а на национальную практику, и нацеленным не на компромисс (хотя он напрямую не отрицается), а на борьбу всего общества за лучшее существование. На подобный ракурс представления проблемы, в частности, указывают слова «нация» (несомненно, имеется в виду «политическая нация»), «единство» и «укрепление».

Единение нации в достижении политических целей подкрепляется признанием широкого спектра прав культурных общностей, что позволяет говорить о специфическом подходе к взаимодействию центра и регионов, который можно обобщенно назвать «панрегиональным мультикультурализмом», политическим синонимом которого является существующая в России форма ассиметричной федерации. Суть данного соотношения выражается в том, что государством декларируется значение региональных культур и этнической специфики, но при этом есть объединяющий всех «русский этнос», и сами региональные этносы не совсем равнозначны, а отличаются по степени интегрированности в общую модель, по степени акцентуализации значения их культур и, как следствие, необходимости заботы об их сохранении и процветании.

Связь подходов, представленных документами, во многом обусловлена доминировавшей в момент их принятия политической риторикой, выраженной в том числе выступлениями российского руководства и контекстом политического диалога на международной арене. К примеру, в начале 2000-х годов происходит интенсификация взаимодействия России с ЕС, активно обсуждается скорейшая интеграция страны в Организацию экономического сотрудничества и развития, Всемирную торговую организацию, в разы возрастает объем торговых отношений с ФРГ и другими партнерами из ЕС. При этом в конце 1990-х в России происходит и рост ксенофобских настроений, что особенно заметно по крупным городам. Ксенофобия и национализм оказываются обусловлены последствиями дефолта 1998 года и высокой безработицей (11-12% трудоспособного населения РФ), сохраняющейся примерно до 2005 года (7,1% трудоспособного населения РФ), а также межрегиональной и межнациональной формами трудовой миграции.

Реализация социальных проектов и общих вызовов развития общественных отношений потребовали от государства разработку новой идейной мотивации социального поведения гражданина, в основу которой предположительно должна была лечь ФЦП «Толерантность». Являясь первой в своем роде, данная ФЦП была ориентирована преимущественно на «установление повестки дня», т. е. выявление важнейших национальных проблем, проведение их анализа и поиск адекватных способов их преодоления.

Несмотря на низкое финансирование – всего 24 млн рублей, ФЦП имела высокий исходный политический потенциал, так как решение о ее обоснованности принималось на

высшем уровне в условиях политической коллегияльности, представленной несколькими политическими группировками, претендовавшими на власть в 1999 году.

Не имея значимой (сильной) практической части, ФЦП «Толерантность» несла, на наш взгляд, большое символическое значение, так как, с одной стороны, демонстрировала гражданам и, что важнее в тот период, мировому сообществу заинтересованность государства в создании социального консенсуса, а с другой – стала стимулом для привлечения регионов к системному противодействию таким явлениям, как ксенофобия, национализм и маргинализация отдельных групп граждан.

Несмотря на активное включение термина «толерантность» в политический дискурс и социальную политику государства, начиная уже с 2000-х годов, на момент окончания ФЦП «Толерантность», нельзя заявлять о сформированности в России какого-либо четкого подхода. По итогам реализации первой ФЦП, толерантность оказалась представлена в «стиле» ЮНЕСКО, как набор негативных явлений, таких как расизм, ксенофобия, маргинализация, которые требуют преодоления в целях гармонизации социальных отношений именно в России. Как следствие, развернулись дискуссии о возможностях и путях преодоления дискриминации, и данная проблематика постепенно стала концентрироваться в образовательной, научной и политической сферах.

Следует отметить, что в этот период начинает развиваться и механизм воспитания толерантности, через небольшие университетские и школьные курсы, государственную поддержку грантов, специализированные телепередачи, региональную деятельность. Но весь этот процесс все еще хаотичен, он не имеет единого принципа и четко очерченного плана развития. Как следствие, становится очевиден новый вызов на интерпретацию толерантности с позиции прагматизма.

Основанием для такого предположения служит послание президента Федеральному Собранию от 12 декабря 2013 года [Послание Президента..., 2013, www], в котором было отмечено, что Россия «возвращается к себе, возвращается в свою историю», и на этом пути противостоит «бесполой и бесплодной толерантности», выступает против пересмотра норм морали и нравственности, против стирания национальных традиций, против «признания равноценности добра и зла».

Несмотря на то, что, на первый взгляд, президент отрицает ценность толерантности, противопоставляя ее традиции, очевидно, что контекстное изменение политики несколько тоньше. Речь не идет о противопоставлении великого прошлого – деградирующему будущему. Скорее, в послании идет апелляция к консервативной, еще славянофильской позиции, говорившей об уникальности русского пути и его противостоянии неестественным (чуждым) западным влияниям. В данном контексте становится очевидно, что государственная политика имеет целью создание гомогенного общества на основе ограниченной или акцентуализированной толерантности, связанной с классической для России традицией сосуществования многих национальных меньшинств под эгидой русской нации [Белозёрова, 2011]. Термин «эгида» в связи с этим приобретает буквальное значение и может трактоваться как щит - символ покровительства и гнева сильнейших. Категория «гнева» в данном случае оказывается не менее важной, на что

указывают, к примеру, слова послания, посвященные наплыву мигрантов или нарушению норм международной политики. Как следствие – формирование протекционистской роли России: «В этих условиях возрастает историческая ответственность России. И не только как одного из ключевых гарантов глобальной и региональной стабильности, а как государства, которое последовательно отстаивает свои ценностные подходы»[Путин:Россия не претендует, www].

Заключение

Подводя итог, можно констатировать, что региональная специфика имеет определяющее значение для развития культуры толерантности, что, однако, не означает отсутствие толерантных практик социального взаимодействия по всему миру. Скорее наоборот, толерантность предстает основой для потенциального диалога стран и регионов, которые через приобщение к единому культурному тренду способны лучше понять мотивы и интересы контрагента, которыми он руководствуется в реализации внутренней и международной политики.

Как следствие, путь развития культуры толерантности на национальном уровне практически лишен альтернатив и является основой для сохранения мира и развития в политической среде культуры компромиссного взаимодействия.

Библиография

1. Белозёрова М.В. Мультикультурная политика и толерантность: проблемы формирования на федеральном и региональном уровнях // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. 2011. № 17. С. 59-65.
2. Вилков А.А. Политические аспекты проблемы толерантности в современной обществоведческой литературе // Известия Саратовского университета. Серия. Социология. Политология. 2008. № 1. С. 88-93.
3. Гулиев М.А. Дилемма безопасности и стратегии формирования нормативной толерантности // Общество и право. 2005. № 4(10). С. 11-15.
4. Медушевский Н.А. Толерантность в фокусе региональных трактовок. Москва.: ЛЕНАНД, 2014. 180 с.
5. Наумов Д.И., Ломов С.А. Мультикультурализм в контексте формирования общеевропейской идентичности // Экономика образования. 2011. № 4. С. 203-206.
6. Послание Президента РФ Федеральному Собранию от 12.12.2013. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/
7. Путин: Россия не претендует на мировую или региональную гегемонию // ТАСС. URL: <http://itar-tass.com/politika/828734>
8. Радиков И.В. Нетерпимость и ксенофобия как угроза стабильности и безопасности России // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2011. № 1. С. 90-94.

9. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Укрепление единства российской нации и этнокультурное развитие народов России»: Распоряжение Правительства РФ от 22.07.2013 № 1292-р. URL: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321160/>
10. Сулова М.Н. Исламофобия в США и России: социально-политические особенности проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4, История. Регионоведение. Международные отношения. 2012. № 1. С. 91-97.
11. Сагалакова Г.А. Проблема толерантности и интолерантности в современной России // Известия Алтайского государственного университета. 2008. № 4-5. С. 269-276.
12. Труханов В.А. Проблемы становления гражданского общества в современной России // Вестник Поволжского института управления. 2009. № 2. С. 41-45.
13. Федеральная целевая программа «Формирование установок толерантного сознания и профилактика экстремизма в российском обществе». URL: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-FCP.php?PrPage=VT>
14. Шишкина А.Р. «Мультикультурная ловушка» в контексте постколониального и западного феминизма // Толерантность как основа либерально политического дискурса. М.: ЛЕНАНД, 2013. С. 52-66.
15. A European framework national statute for the promotion of tolerance. URL: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/libe/dv/11_revframework_statute_/11_revframework_statute_en.pdf
16. Court orders city to allow protest by kukluxklan. By Benjamin Weiser. October 22, 1999. New York Times. URL: <http://www.nytimes.com/1999/10/22/nyregion/court-orders-city-to-allow-protest-by-ku-klux-klan.html>
17. The Equal Treatment Directive. URL: <http://www.europeandignitywatch.org/reports/detail/article/the-equal-treatment-directive.html>

Education in the spirit of tolerance: social practice and political context

Nikolai A. Medushevskii

PhD in Politology, Associate Professor,
Department of culture of peace and democracy,
Russian State University for the Humanities,
125993, 6 Miuskaya sq., Moscow, Russian Federation;
e-mail: lucky5659@yandex.ru

Abstract

Tolerance is the quality of people that is formed in the context of their social participation. In the modern world the level of tolerance is different in different societies. This is due to the influence of the social and political environment, and cultural and historical background. The study of the mechanisms of tolerance in individual societies is relevant, because this information allows to build a system of political cooperation and interpersonal communication more effectively. In addition, the study of the conditions of social order, that promote or impede the creation of a culture of tolerance, is relevant too. It should be noted that one of the key condition that contributes to the development of a culture of tolerance is the stability, which can have both legal and extralegal expression. The flourishing of the culture of tolerance is related to stability and legal order. Thus, the tolerance can be represented as a complex phenomenon, which is the result of a long process of social genesis. The complexity of this phenomenon lies in its volatility – vulnerability to various challenges, as well as in its regional identity, as in respect of each developed state or region we can speak about a certain specificity in the interpretation of tolerance and basic principles forming its. Among such principles are, for example, the observance of human rights, which is largely typical for the European tradition, the dominant of idea of individual freedom, which correlates with the American interpretation of the tolerance, or forming meaning of the political and social stability, which is typical for Russian tradition, and often tolerated for many post-Soviet states. In this regard, the preservation and promotion of culture of tolerance is associated with preservation of the basic principles, uniting a society and makes it homogeneous.

For citation

Medushevskii N.A. (2016) *Vospitanie v dukhe tolerantnosti: sotsial'naya praktika i politicheskii kontekst* [Education in the spirit of tolerance: social practice and political context]. *Teorii i problemy politicheskikh issledovaniy* [Theories and Problems of Political Studies]. 5 (6A), pp. 81-95.

Keywords

Tolerance, education, values, ideology, culture, political pluralism.

References

1. *A European framework national statute for the promotion of tolerance*. Available at: http://www.europarl.europa.eu/meetdocs/2009_2014/documents/libe/dv/11_revframework_statute_/11_revframework_statute_en.pdf [Accessed 12/11/16].
2. Belozerova M.V. (2011) *Mul'tikul'turnaya politika i tolerantnost': problemy formirovaniya na federal'nom i regional'nom urovnyakh* [The multicultural policy and tolerance: the problems

- of formation at the federal and regional level]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv* [Bulletin of the Kemerovo State University of Culture and Arts], 17, pp. 59-65.
3. Court orders city to allow protest by kukluxklan. By Benjamin Weiser. *New York Times*. October 22, 1999. Available at: <http://www.nytimes.com/1999/10/22/nyregion/court-orders-city-to-allow-protest-by-ku-klux-klan.html> [Accessed 12/11/16].
 4. *Federal'naya tselevaya programma "Formirovanie ustanovok tolerantnogo soznaniya i profilaktika ekstremizma v rossiiskom obshchestve"* [The Federal Target Program "Formation of installations of tolerant consciousness and prevention of extremism in Russian society"]. Available at: <http://www.tolerance.ru/VT-1-2-FCP.php?PrPage=VT> [Accessed 17/11/16].
 5. Guliev M.A. (2005) Dilemma bezopasnosti i strategii formirovaniya normativnoi tolerantnosti [The dilemma of security and strategy in the formation of regulatory tolerance]. *Obshchestvo i pravo* [Society and law], 4 (10), pp. 11-15.
 6. Medushevskii N.A. (2014) *Tolerantnost' v fokuse regional'nykh traktovok* [Tolerance in the focus of regional interpretations]. Moscow: LENAND Publ.
 7. Naumov D.I., Lomov S.A. (2011) Mul'tikul'turalizm v kontekste formirovaniya obshcheevropeiskoi identichnosti [Multiculturalism in the context of the formation of European identity]. *Ekonomika obrazovaniya* [Economy of education], 4, pp. 203-206.
 8. *Ob utverzhdenii Kontseptsii federal'noi tselevoi programmy "Ukreplenie edinstva rossiiskoi natsii i etnokul'turnoe razvitie narodov Rossii": rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 22.07.2013 № 1292-r* [On approval of the concept of the Federal Target Program "Strengthening the unity of the Russian nation and the ethno-cultural development of the peoples of Russia": Decree of the Government of the Russian Federation No. 1292-R of July 22, 2013]. Available at: <http://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70321160/> [Accessed 18/11/16]
 9. *Poslanie Prezidenta RF Federal'nomu Sobraniyu ot 12.12.2013* [The message from the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of December 12, 2013]. Available at: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_155646/ [Accessed 11/11/16]
 10. Putin: Rossiya ne pretenduet na mirovuyu ili regional'nuyu gegemoniyu [Putin: Russia does not claim to world or regional hegemony]. *TASS*. Available at: <http://itar-tass.com/politika/828734> [Accessed 12/11/16]
 11. Radikov I.V. (2011) Neterpimost' i ksenofobiya kak ugroza stabil'nosti i bezopasnosti Rossii [Intolerance and xenophobia as a threat to the stability and safety of Russia]. *Obshchestvo. Sreda. Razvitie (TerraHumana)* [Society. Environment. Development (TerraHumana)], 1, pp. 90-94.
 12. Sagalakova G.A. (2008) Problema tolerantnosti i intolerantnosti v sovremennoi Rossii [The Problem of tolerance and intolerance in modern Russia]. *Izvestiya Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta* [News of the Altai State University], 4-5, pp. 269-276.
 13. Shishkina A.R. (2013) "Mul'tikul'turnaya lovushka" v kontekste postkolonial'nogo i zapadnogo feminizma ["Multicultural trap" in the context of postcolonial and Western feminist]. In:

- Tolerantnost' kak osnova liberal'no politicheskogo diskursa* [Tolerance as the basis of liberal political discourse]. Moscow: LENAND Publ., pp. 52-66.
14. Suslova M.N. (2012) Islamofobiya v SShA i Rossii: sotsial'no-politicheskie osobennosti problemy [Islamophobia in the USA and Russia: social-political aspects of the problems]. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya 4 "Istoriya. Regionovedenie. Mezh-dunarodnye otnosheniya"* [Bulletin of the Volgograd State University. Series 4 "History. Regional studies. International relations"], 1, pp. 91-97.
 15. *The Equal Treatment Directive*. Available at: <http://www.europeandignitywatch.org/reports/detail/article/the-equal-treatment-directive.html> [Accessed 15/11/16]
 16. Trukhanov V.A. (2009) Problemy stanovleniya grazhdanskogo obshchestva v sovremennoi Rossii [Problems of formation of civil society in modern Russia]. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya* [Bulletin of the Volga Region Institute of Management], 2, pp. 41-45.
 17. Vilkov A.A. (2008) Politicheskie aspekty problemy tolerantnosti v sovremennoi obshchestvovedcheskoi literature [Political aspects of the problem of tolerance in the modern social-science literature]. *Izvestiya Saratovskogo universiteta. Seriya "Sotsiologiya. Politologiya"* [Proceedings of the Saratov University. Series "Sociology. Political science"], 1, pp. 88-93.